

Сирена

— А где луч? — спросил Запесочный, с любопытством глядя в иллюминатор.

— В вакууме лазер невиден, — ворчливо отозвался Самарский, настраивая мощность и держа астероид в радиусе действия промышленного резака. — Луч заметен только в среде. А там отсутствует среда.

В рубку вошел капитан Пунктурица и невпопад сказал:

— Сегодня четверг, а не среда. Шкалик, хватит сбивать экипаж с толку.

Самарский тут же вскинулся:

— Да я другую среду имел в виду!

— Прощую? Так ты ж тогда в штатном запое был, — копаясь в стопке накладных, откликнулся капитан.

— Тьфу! — Борт-инженер Сергей Самарский по прозвищу Шкалик выключил лазер и вышел из рубки. Уже из коридора он крикнул: — В галыон приспичило...

Коля Запесочный продолжал с ин-

тересом таращиться в иллюминатор. Там, слегка вращаясь, медленно отплывал от челнока астероид, в котором сканеры засекали пару тонн ценной руды, и капитан решил притормозить, чтобы вырезать из породы железяку. Коле было интересно наблюдать за космическими телами с близкого расстояния — это скрашивало недели, в течение которых за стеклами не было ничего, кроме пустоты. Он перевелся в космос всего год назад из спецназа и сразу, по счастливой случайности, попал на борт грузового межпланетного челнока «Субботник» охранником. Поэтому Коля все еще с любопытством глядел на планеты и луны, мимо которых они пролетали и на которые иногда садилась, чтобы подхватить или скинуть очередную партию груза.

В этот раз их целью была одна из лун Сатурна — Сигнитур-44. На эту отдаленную ледышку «Субботнику» предстояло доставить тридцать тонн

хлорелловой муки и двести пятьдесят контейнеров с тротилом для горных разработок, а забрать партию необогащенного урана. На Сигнитуре-44 находилась небольшая уранодобывающая база, и двенадцать ее обитателей с нетерпением ждали челнок. Штатный бухгалтер «Субботника» Ллойд Кристоф прихватил также полсотни дисков со свежей порнушкой, зная, что этот товар пользуется у любых горняков и колонистов огромной популярностью. Но в районе Пояса Астероидов капитан обнаружил тайник и с негодованием повыкидывал всю контрабанду в космос под слезные причитания Ллойда.

Капитан «Субботника» — Лев Пунктурица — был принципиальный, тертый годами и вакуумом дальнотбойщик.

— Зануда, — обратился он к бортовому компьютеру, отрывая взгляд от бумажек, — проверь-ка накладную номер С-2155-С-44-6859. И глянь, сколько, по твоим данным, тротила в одном ящике?

— Мне нужна новая операционка, — раздался из динамиков сварливый дискант. — Чтобы резидентных программ и в помине не было. И ядро 12-го поколения. Надоело тормозить, как осел на перевале. Попробовал бы кто-нибудь из вас думать какими-то семьдесятю миллионами потоков с задержкой в целую наносекунду. Словно мозги в кисель превращаются. Пока Самарский не поставит новый Linux Blue Suede Shoes версии 6.22, отказываюсь сотрудничать с экипажем.

— Я тебе сейчас все массивы форматну, — пригрозил Пунктурица, почесывая горбинку на носу. — Надоело мыслить?

— Лучше кануть в лету, чем мыслить с задержкой в наносекунду, — патетично изрек компьютер.

Запесочный с интересом наблюдал за кэпом, разговаривающим со стенами. Он еще не до конца свыкся с мыслью, что у компьютеров может быть интеллект.

— Зануда, я тебя последний раз спрашиваю... — Пунктурица поднял

из-под панели управления молоток и крикнул в коридор изо всех сил: — Шкалик! Куда шарахнуть, чтобы сразу намертво Зануду вырубить?

— Системы жизнеобеспечения контролируются мной, — с опаской выпалил компьютер. — Если отключусь я — отключитесь и вы. И рестартнуть вас будет некому.

Пунктурица поправил бейсболку и замахнулся.

— Замечательно! — подбодрил его Зануда дрогнувшим голосом. — Давайте все здесь расколотим из-за одного бедного искусственного интеллекта, который просит-то всего — обновить операционную систему...

Капитан прицелился в какой-то энергоузел, густо обмотанный проводами.

— Хорошо, дипломатический ход удался, — сдавленно буркнули динамики. — По моим данным в каждом из двухсот пятидесяти контейнеров, которые находятся в грузовом отсеке нашего челнока, пять килограммов тротила. Детонировать бы их все разом...

Пунктурица отложил молоток и снова, как ни в чем ни бывало, зашелестел бумажками. Через некоторое время он вызвал по коммуникатору бухгалтера.

Ллойд Кристоф был лысым, нервным, докучливым очкариком. Капитан терпел его на судне только из-за чрезвычайно тонкого нюха на всякого рода аферы, бюрократические заморочки и финансовые подначки со стороны заказчиков.

— Слушаю вас, Лев. — Кристоф всех членов экипажа называл исключительно по имени и на «вы».

— Скажи мне, Ллойд, сколько тротила в каждом ящике мы везем?

— Четыре с половиной килограмма.

— А почему Зануда сказал — пять? — Видимо, потому, что он — Зануда.

Пунктурица постучал пальцами по датчикам герметичности грузового отсека, горящим зелеными огоньками. Задумчиво поглядел в носовой иллюминатор, где продолжал медленно

вращаться астероид, уже отплывший на порядочное расстояние от челнока.

— Я предлагаю сделать вот что, — произнес наконец он. — Сейчас я выкидываю весь наш груз в космос, а по прибытии на Сигнитуру-44, ты, Ллойд, объясняешь двенадцати свирепым, полгода не трахавшимся шахтерам, почему данные в подписанных тобой накладных не соответствуют данным бортового компьютера.

Кристоф нервно потер пухлые руки и, глянув на капитана через толстые линзы очков, проговорил:

— То есть вы предлагаете, Лев, немедленно избавиться от груза, который ожидают голодные люди?

— Ты мне на жалость не дави. Да, я предлагаю выкинуть весь груз прямо сейчас.

— Но ведь вещи не в ответе за людей.

— Зато люди отвечают за вещи! Какого хрена ты списал полкило взрывчатки с каждого контейнера?

Коля Запесочный почесал мощный лысый череп и поглядел на грустного вздохнувшего бухгалтера.

— Лев, мне кажется...

В этот момент в рубку влетел Самарский с круглыми от страха глазами.

— Там... Он!.. Ах ты зараза! Пассажи тебе в ухо!

— Шкалик, ну-ка возьми себя в руки, — строго сказал Пунктурица. — Ты что опять в запой собрался? Не позволю.

Самарский подошел к одному из динамиков, через которые бортовой компьютер общался с экипажем и уставился на него так, будто хотел порвать взглядом мембрану.

— Скажи-ка мне, скотинушка электронная, где мы сейчас находимся? — обратился он к сеточке.

— В космосе, — невозмутимо ответил Зануда. И язвительно добавил: — Сэр.

— Я ж тебе все процессоры пожгу, — пообещал Самарский компьютеру и повернулся к недоумевающим друзьям. — Знаете, в какую область мы недавно влетели?

— Траверз орбиты Юпитера пере-

секли вроде, — пожал плечами Пунктурица. — А что?

— Десять минут назад мы попали в радиус действия автоматического маяка номер Ю-241. А наша полупроводниковая зараза не сочла нужным сообщить экипажу о входе в опасный район. Комментарии нужны?

После пятисекундной тишины Зануда возмущенно заявил:

— Для кого опасный, а для кого и приятный. И не смей называть восхитительную Крошку Ю каким-то там маяком!

Маяк Ю-241 представлял собой двухметровый шар, напичканный электронной аппаратурой, который несколько лет назад вывели на орбиту Юпитера для облегчения навигации проходящих мимо кораблей. Это была штатная процедура, которую техники с базы на Ио проделывали и раньше десятки раз. Маяк запустили, стабилизировали его орбиту, настроили и запустили приемно-передающие устройства. Ничто не предвещало проблем...

Спустя неделю мелкий метеорит прошел один из трансляторов сигнала дальнего действия, и что-то там заколотило. Дежурная смена подняла с Ио ремонтный катер и направилась к Ю-241, чтобы устранить неисправность. И вот тут началось!

При входе в зону действия маяка, когда сигнал усилился до определенной величины, бортовой компьютер катера повел себя странно. Он перестал внимать командам экипажа, самостоятельно привел корабль к Ю-241 и принял закружить вокруг, обмениваясь с неисправным маяком какими-то нелепыми пакетами информации.

Капитан катера попытался было отключить автопилот и перевести управление на себя, но тут компьютер словно взбесился. Он немедленно убрал искусственную гравитацию, пригрозил вырубить систему жизнеобеспечения на борту, а в случае продолжения сопротивления — открыть все шлюзы. Конечно, космонавты могли

облачиться в скафандры и покинуть обезумевший корабль, но решили не рисковать, потому как на катере стоял внешний ремонтный лазер. А мало ли что могло взбрести в массивы компьютера...

Катер продолжал нарезать круги вокруг маяка и обмениваться с ним радиосообщениями, игнорируя все команды, вводимые с пультов управления. Капитан хотел послать сигнал бедствия, но компьютер блокировал и эту возможность.

В конце концов не выдержал главный техник. Он замахнулся на основной энергоблок монтировкой и... беднягу так шарахнуло током, что его пришлось отпаивать молочком.

Загадочный танец катера и маяка продолжался.

Спустя несколько часов мучительных попыток сообразить, какого хрена вообще вокруг происходит, борт-инженер пошутил: мол, а что, если компьютер флиртует с Ю-241? Что, если маяк соблазнил их корабль?..

Измощенных ремонтников лишь через трое суток вытащили спасатели. Им повезло: кто-то из астрономов случайно обратил внимание на странное поведение катера возле поврежденного маяка.

С тех пор Ю-241 космонавты стали называть Сиреной.

Корабли, попавшие в зону действия пресловутого навигационного спутника, теряли волю. Они принимались оказывать Сирене всевозможные знаки внимания, «обхаживать» ее, старались всеми способами завоевать благосклонность двухметрового железного шара.

Корабли влюблялись.

Ученые схватились за головы — объяснения этому просто не существовало. Бортовые компьютеры хоть и обладали искусственным интеллектом, но чтобы проявлять чувства к безжизненному автоматическому маяку, прошибленному метеоритом! Да еще настолько рьяно, что экипаж становился абсолютно бессилён!

В конце концов, так и не найдя объяснения этому феномену, с Земли был отдан приказ уничтожить потен-

циально опасный объект. Но не тут-то было! Выпущенные ракеты теряли управление и тоже начинали сходить с ума по Сирене, лазеры отказывались включаться, гравитоника выходила из строя... Корабли и устройства наотрез отвергали возможность причинять вред маяку Ю-241. Дошло до того, что военные попытались развалить злополучную железяку механическими способами. Но встретили такое рьяное сопротивление со стороны «влюбленных» судов, что отступили.

— Ну не ядерной же бомбой ее взрывать, — покачал головой командующий флотом.

После десятка безуспешных попыток «договориться» с Сиреной было решено оставить ее в покое. Вокруг организовали карантин, предупредили все военные и штатные экипажи, чтобы не лезли в зону активности свихнувшейся Железной Девы и принялись благополучно облетать ее стороной.

И все пошло своим чередом.

Торговые трассы несколько изменились, но капитаны предпочитали сделать крюк в миллион-другой километров, чем потерять любимое судно. В профессиональной среде дальнее про Сирену, конечно, стали ходить байки. Кто-то считал, что это вообще выдумки властей, старающихся скрыть в зоне карантина какой-то секретный объект, кто-то списывал все на хитрости пиратов, а кто-то вообще полусуто предполагал, что это проявление высшего разума в Солнечной системе... Хотя основная часть торговых и дипломатических судов все же предпочитала облетать Сирену стороной.

Но на любую беду непременно найдутся люди забывчивые, любопытные и неосторожные.

Нет-нет да попадал какой-нибудь корабль под чарующие радиовспливы маяка, и тогда борт был обречен болтаться вокруг предмета обожания вместе с другими «ухажерами». Экипаж эвакуировали спасатели. Они вылетали в скафандрах, пристегнутых страховочным тросом к шлюпке, которая находилась на безопасном расстоянии от Сирены, и вытаскивали

людей. А судно так и оставалось в «любовном» плену.

Автоматический маяк Ю-241 за несколько лет умудрился «совратить» около трех десятков кораблей.

Лукавая Сирена, словно мифическая полуптица-полуженщина, завлекала своим волшебным пением неосторожных мореходов.

Пунктурица сел в кресло пилота, а по совместительству и капитана, положил бейсболку на пульт управления и обхватил костистый череп руками.

— Крышка? — спросил он через минуту.

— Однозначно, — хмуро откликнулся Самарский. — По крайней мере, «Субботник» теперь точно обречен болтаться вокруг Сирены, пока у него есть запас хода. А запаса хода у него лет на сто пятьдесят.

— Моя вина, — не отнимая рук от головы, сказал Пунктурица. — Я исполняю роль пилота и штурмана. Совсем из башки вылетело про эту Сирену... Да и от Зануды такого не ожидал, честно говоря. Он, конечно, порядочная сволочь, но курс всегда держал безупречно и обо всех аномалиях предупреждал.

— Ну-у... — осторожно вмешался Запесочный, — какой нормальный мужик в здравом уме и половозрелом возрасте предупредит свою супругу о приближении сногшибательной красотишки...

Капитан обернулся, исподлобья посмотрел на охранника и сказал:

— Спасибо, Коля. Утешил.

— А что нам теперь делать-то? — растерянно обронил Кристоф, будто он только что осознал весь кретинизм ситуации.

— А ничего. Спасателей ждуть, — мрачно буркнул Самарский, бродя по рубке туда-сюда.

— Надеюсь, муку с тротилом они тоже спасут.

— Пассатижи тебе в ухо, а не мука с тротилом. Из карантинной зоны эвакуируют только экипаж. Так что можешь готовиться расплачиваться за груз из своего кармана.

— Я отказываюсь! — быстро сказал Кристоф. — Моей вины в происшедшем нет.

Пунктурица вздохнул.

— Борт-инженер Самарский, — подал вдруг голос Зануда, — поставь мне новую операционку. С нынешней осмыслять прелести бесконечной любви Крошки Ю просто кошунственно.

Сергей остановился, медленно повернулся к динамику, побагровел и проорал:

— Надо бы тебе вообще Винду древнюю вкрячить! Чтоб навек импотентом стал!

— Хм, — презрительно произнес Зануда, и Пунктурица даже представил, как компьютер пожимает плечами.

— Лев, — обратился Кристоф к кэпу, — я предлагаю вам начать вести переговоры с нашим бортовым компьютером, ибо мы ни коим образом не имеем права терять ценный груз, в котором нуждаются шахтеры на Сигнитуре-44.

— Ни коим образом не имеем права... — злобно огрызнулся Самарский, продолжив мерить рубку шагами. — Хоть бы говорить научился по-человечески. Привык только свои чертовы накладные заполнять и порнушку контрабандную таскать от Нептуна до Венеры.

— Перестаньте мне хамить, Самарский! — зыряка сквозь толстые линзы очков, взвился Ллойд.

— Отставить, — невесело скомандовал Пунктурица. — Шкалик, быть может, с ним можно хоть как-то договориться?

— Да если б... пассатижи мне в ухо. — Сергей безнадежно махнул рукой и потер небольшой шрам на переносице.

Пунктурица надел бейсболку, встал и обратился к динамику:

— Зануда, ты что, обиделся за молоток? Я ж тебя никогда бы не ударил. Мы ж через столько вместе прошли.

— Какие вы все-таки бранные, — с оттенком сочувствия сказал Зануда. — Возитесь в своих амбициях, тешите тщеславие...

— Ни хрена себе завернул, — не выдержал Запесочный. Капитан строго посмотрел на него, и охранник заткнулся.

— Послушай, Зануда, — продолжил Пунктурица, — у меня, кажется, появилась идея. А что если мы найдем тебе настоящую подружку?

— Ты что-то имеешь против Крошки Ю? — угрожающе поинтересовался компьютер.

— Нет, ты не правильно меня понял... — Пунктурица подошел к носовому иллюминатору, чтобы собраться с мыслями. Среди звездной россыпи за стеклом даже невооруженным глазом можно было заметить несколько перемещающих светлых точек. Это другие корабли-ухажеры бегали вокруг Сирены по нестабильным круговым орбитам, изредка корректируя курс маневровыми двигателями. — Я имел в виду, что мы бы нашли только для тебя подружку, понимаешь? Для тебя одного. И не нужно было бы ее делить с тремя десятками влюбленных козлов.

Гравитация пропала вмиг.

Шкалик после очередного шага стремительно унесся к потолку и протаранил головой крепеж для старых дисков. Заматерился на чем свет стоит. Остальные просто плавно взмыли в воздух, ощущая давно забытый приступ тошноты.

— То есть ты считаешь Крошку Ю шлюхой? — зловеще спросил Зануда.

— Ни в коем случае! — придерживаясь за край приборной панели, вскрикнул Пунктурица. — Я уверен, что она чрезвычайно благочестивая особа!

Гравитация вновь возникла.

Шкалик грохнулся об пол и выдал такое проклятие, что даже бывалый кэп удивленно поднял брови.

— Если бы вы могли хоть на мгновение проникнуться игрой амплитуды ее радиоволн, — мечтательно вздохнул Зануда. — Это такое неповторимое чувство асинхронности... Самарский, может, все-таки поставишь мне новый Linux?

— Я сейчас тебе клизму со всем известным набором вирусов поставлю.

Прямо в процессорную шину... — потирая задницу, прошипел Сергей.

— Грубиян, — рассеянно сказал Зануда. — Наверное, ты никогда не был по-настоящему влюблен.

Самарский задохнулся в приступе гнева. Запесочный мощными движениями усадил его в кресло второго пилота и крепко пристегнул.

— Я больше так не могу... — плаксиво запричитал Кристоф, потирая пухлые руки. — Мне нужен душевный покой для продуктивной работы, а тут что творится? Болтаемся вокруг маяка без шансов на спасение корабля и груза, борт-инженер в истерике, компьютер... елки-палки, мне даже как-то не удобно такое говорить... компьютер вторился. Лев, сделайте же наконец что-нибудь!

— Бухгалтеры в 87 процентах случаев несчастны в личной жизни, — констатировал Зануда. — Ллойд, мой тебе совет: когда твое пухлое тело эвакуируют отсюда, обзаведись любящей женой и сворой непослушных ребятишек. Обрети идилию духа.

— Зануда, — тоже постепенно начиная терять терпение, произнес Пунктурица. — Нам пора возвращаться на курс — и без того потеряли кучу времени. Мы можем прийти к взаимовыгодному соглашению? Валяй, выкладывая свои условия.

— Милая Крошка Ю... — продекламировал компьютер. — Пусть будут незабвенны переливы твоих импульсов. Пусть несутся они в пространство, покоряя кристаллические сердца недостойных!

В кресле второго пилота дернулся Самарский. Сказал страшным шепотом:

— Пустите меня. Я сейчас этому барду недобитому рога поотшибаю, которые ему наставили! Пустите, пасатижи вам в уши! Дайте мне резак, я силовые кабели ему перепилю! Или генератор раздолбаю!

— И ты тленен, Самарский, — разочарованно вздохнул Зануда. — Тленен и слеп.

— Погоди, погоди... — В глазах Пунктурицы сверкнула искорка идеи. — Как ты сказал, Шкалик?

— Что конкретно? — с нездоровой усмешкой переспросил Самарский. — Про рога, силовые кабели или генератор? Лёва, ради общего дела — все что угодно!

— Да нет же! Как ты любишь ругаться?

— Изысканно, — тут же вставил Кристоф, поправив очки.

— Какую фразочку ты обычно вставляешь, когда злишься?

— Пассатижи мне в уши, а что? — Сергей даже поостыл от удивления.

— Ты помнишь древнегреческие сказания про остров с Сиренами?

— Чего-чего?

— Гомера читал?

На минуту в рубке повисла напряженная тишина. Лишь легкое шипение доносилось из динамиков.

— Лев, вы здоровы? — наконец спросил Кристоф. — В мои обязанности до сих пор вроде входят функции бортового врача. Если требуется...

— Более чем здоров! — воскликнул Пунктурица, скидывая бейсболку. — Ташите скафандры! Ну, чего устались? Коля, тащи рабочие!

Запесочный пожал огромными плечами и ушел в хозблок.

— Я не открою шлюзы, — на всякий случай заявил Зануда.

— А я дырку в обшивке просверлю, — безапелляционно отрезал Пунктурица. — Отстань. Наслаждайся эротикой, пока дают.

— Кэп, ты что задумал? — настороженно спросил Самарский. — Я еще жить хочу.

— Я тоже. А заодно спасти старый добрый «Субботник» и груз.

— А в чем прикол-то?

— Согласно «Одиссее» Гомера, Сирены своими чарующими голосами завлекали мореходов к прибрежным скалам, о которые разбивались корабли. Так вот, я уверен, что наш влюбленный Зануда не знает, что сделал Одиссей, дабы спасти своих спутников.

Компьютер помолчал, потом выдал:

— Не знаю. Но уверен, что у тебя этот фокус не пройдет!

— Нюхай свои радиоферомоны, —

цинично сказал Пунктурица, облачаясь в скафандр, принесенный Запесочным. — А вы чего тормозите? Надавайте костюмы.

— Быть может, меня хотя бы отстегнут? — зло поинтересовался Самарский.

Пока Кристоф высвобождал Шкалика из кресла второго пилота, Зануда напряженно сопел в динамики. Наконец он крикнул:

— У меня с наносекунды на наносекунду начнется паника! А это, уверяю вас, опасно для всего экипажа!

— Чмокни свою красотку на прощанье! — Пунктурица убедился, что скоба шлема надежно защелкнута.

Шлюзы смятенный вконец Зануда распахнул разом — и основной, и аварийный, и грузовой. Хорошо, что контейнеры с грузом были надежно закреплены...

Всех четверых членной экипажа буквально вынесло наружу. Капитан перед этим успел пристегнуть каждого страховочным тросом к специальному кронштейну. Уже болтаясь в вакууме, Пунктурица достал из ремонтного отсека костюма инструменты и, довольное ослабившись, помахал ими перед носом Самарского.

— Э-э... Лёва... — протянул Шкалик. — Я, конечно, нахожусь в вашем подчинении и обязан выполнять приказы... Но какого, пассатижи тебе в ухо, хера ты нас сюда вытащил? Этот гад сейчас вот ка-а-ак пальнет промышленным резаком...

— Мы вне радиуса действия резака, — успокоил его Пунктурица. — Расслабься.

— То есть, ждате спасателей снаружи вам показалось интереснее? — уточнил Кристоф, болтаясь на тросе неподалеку.

— А ведь наш бухгалтер, как ни странно, прав, — согласился Самарский. — Мы ничего не сможем сделать с кораблем: он полностью управляется Занудой, пассатижи ему в уши!

— Не пассатижи, а воск, — победоносно произнес Пунктурица и снова помахал инструментами.

— Космическое помешательство, — сокрушенно констатировал Крис-

тоф и укоризненно взглянул на капитана через стекло шлема.

Пунктурица загадочно улыбнулся, посмотрел, прищурившись, на далекое Солнце и объяснил:

— Чтобы спасти своих спутников от манящего пения Сирен, Одиссей залепил им уши воском.

Если в вакууме может повиснуть тишина, то она там повисла. Лишь спустя минуту Самарский решил спросить:

— И что?

— Скажи, друг мой Шкалик, где на «Субботнике» расположены колпачки принимающих антенн?

Отчаянный крик Зануды раздался в наушниках скафандров с задержкой ровно в наносекунду.

Обреченный на разлуку с возлюбленной, компьютер понял капитана первым.

— Да как вы могли допустить такое унижение? — привычно забрюзжал Зануда, когда Пунктурица наконец вывел «оглохший» корабль за пределы карантинной зоны. — Как вам хватило совести позволить заморочить мне массивы какой-то самодовольной дурочке?!

Запесочный громогласно рассмеялся, а Шкалик откинулся в кресле и потянул сквозь трубочку авокадовый коктейль. Пунктурица только улыбнулся, краешками губ.

— Бездушные приматы! — обиженно захныкал Зануда. — Столько лет верности, самопожертвования, скрупулезных расчетов, а они...

— Я не хотел быть жестоким, — сказал капитан. — Я ведь прекрасно понимаю, что такое потерять голову, быть охмуренным женщиной. Понимаю, что такое разлука, когда ты полон рвущихся наружу чувств и готов поверить, что больше никогда не встретишь ту, единственную... Поэтому я вовсе не хотел быть бесчеловечным по отношению к тебе. Но ты был абсолютно невыносим! Просто критически!

— Тогда пусть Самарский срочно поставит мне Linux Blue Suede Shoes,

— проворчал Зануда. — В качестве компенсации.

— Шкалик, поставь ты ему эту новую операционку, — благосклонно согласился Пунктурица. — А то ведь всех задолбит.

— Задолблю, — тут же подтвердил Зануда.

Самарский неторопливо кивнул и шумно затынулся коктейлем.

— Кстати, — потянулся в своем кресле Пунктурица, — Христоф, с тобой мы еще вернемся к разговору о накладных на тротил. Напомни завтра, чтобы я тебя хорошенько распек.

— Лев, я так понимаю, вы...

— Это еще что... — вдруг перебил лысого бухгалтера Самарский, отставляя стакан с коктейлем и наклоняясь к пульту. — Какой необычный сигнал...

Пунктурица тоже внимательно посмотрел на монитор, пощелкал клавишами.

— Странно, — задумчиво сказал он. — Очень странно... Это похоже на сигнал бедствия, только...

— Что только? — быстро спросил Христоф, поправляя свои громоздкие очки.

— Только код... э-э... чуть ли не вековой давности.

— Ого! — удивился Самарский. — Может, спутник какой-нибудь затерялся...

— Сейчас попробую дешифровать и выведу на экран. — Пунктурица заколотил по клавишам, краем сознания обращая внимание на то, что Зануда подозрительно молчит. Через минуту на мониторе появилось изображение.

Рубка корабля. Довольно большого межпланетника, устаревшей модификации, которые теперь использовались разве что в качестве орбитальных хранилищ и перевалочных баз. Просторное помещение — освещено, на пультах мигают огоньки, но внутри ни души.

— Что это за древний тарантас? — удивился Пунктурица вслух. — Зануда, можешь идентифицировать и дать точные координаты?

— Могу, — с явной неохотой от-

кликнулся компьютер из динамиков. — Межпланетник класса «Аэлиита-88», бортовой номер 21-Нр08. Образца конца прошлого века, двигатели плазменные, экипаж 7 человек. Находится вне плоскости эклиптики, примерно в световой минуте. Точные координаты вывожу на монитор.

— Бред какой-то. Куда направляется этот корабль?

— Никуда. Висит себе, никого не трогает.

— Но как он мог здесь оказаться?

Возник из прошлого?

— Не располагаю информацией.

— Зануда, есть ли на борту белковые формы жизни?

— Есть... — Компьютер, судя по голосу, совсем сник.

— Что с тобой? — спросил Пунктурица, продолжая долбить по клавиатуре.

— Ничего...

Тут в разговор встрял Самарский:

— Постой-ка, Лёва... А уж не тот ли это легендарный борт, который лет семьдесят назад, когда еще не наступила эпоха гравитонных двигателей, отправился к границам Солнечной системы?

— Зануда, тот борт?

— Тот...

— А что это ты, Шкалик, как забеспокоился?

— А то, что экипаж его был полностью укомплектован из...

Самарский осекся.

На мониторе возникло движение, и в рубку межпланетника класса «Аэлиита-88» вошла женщина. Красивая

женщина. Сногсшибательная женщина. В синем облегающем спецкостюме она выглядела настоящей космической амазонкой. Пройдя вдоль пульта управления, она взгляделась в показания приборов и вдруг улыбнулась чему-то.

Пунктурица поморгал и шепотом обратился к компьютеру:

— Сколько, ты сказал, человек в экипаже?

— Семь... — обреченно выдавил Зануда.

Капитан медленно повернул голову и посмотрел на оторопевшего борт-инженера.

— Сережа, мне кажется, нам необходимо откликнуться на сигнал бедствия и помочь борту 21-Нр08. Его хрупкий женский экипаж нуждается в срочной эвакуации. Это займет часов шесть, не больше.

Самарский только покивал, не отводя взгляда от монитора.

— На Сигнитуре-44 голодные шахтеры ждут хлорелловую муку и тротил, — тихонько вздохнул Зануда.

— Может, пока отключить его, чтобы не мешал проведению спасательной операции? — предложил Коля Запесочный.

Кристоф потер пухлые руки и старательно закивал. Пунктурица с утренней энергией застучал по клавиатуре, вводя новый курс.

— Вы лучше залепите себе уши воском, — ворчливо посоветовал Зануда, звякнув динамиком. — А глаза — сургучом.

ОБ АВТОРЕ:

Палий Сергей родился в 1979 году в городе Куйбышеве (ныне — Самара).

В 2002 году окончил СамГПУ по специальности «журналистика».

С 2002 по 2004 — работал в пресс-службе Главного управления исполнения наказаний Минюста России по Самарской области.

Уволен по собственному желанию в звании старшего лейтенанта.

Публиковался в журнале «Полдень. XXI век». В 2006 году вышла дебютная книга С. Палия — роман «Изнанка».